

Глава 29. Тяньцзинша — Напевы о чистом небе

Сухая лоза, старое древо, вороны в сумерках,

Мостик, поток, чей-то дом у воды,

Древний тракт, западный ветер, тощий скакун,

Солнце садится,

И человек с разбитым сердцем — на самом краю земли!

— «Тяньцзинша»

Меч и вино потеряли вкус. Для кого я пью эту чашу? Провожать меня некому. Эту свободу, которую и вымолить-то невозможно, и которая опоздала на целую вечность, как мне её встретить? Растеряться от горя или обезуметь от радости?

Я так и не решил. Пока же просто плёлся в обнимку с Пятнистой лошадейю мимо того самого «мостика над журчащим потоком», который так удачно подвернулся под руку.

Лоза и древо сплелись в объятиях — томно. Вороны кружат в сумерках — уныло. Ветер над старой дорогой — пустота. А «тощий скакун»... Да чтоб тебя!

— Твою ж за ногу, Пятнистая лошадь! Сколько раз повторять: иди ровно, иди медленно! Так нет же, тебе обязательно надо нестись!

Я, тот самый «человек с разбитым сердцем», окончательно вышел из себя. Прошло уже больше половины дня с тех пор, как я сбежал и добрёл до этой, на вид вполне приличной, деревушки. Пятнистая лошадь трясла меня так, что мой несчастный зад едва не раскололся на четыре с половиной части. Не желая больше рисковать, я сполз с её спины едва ли не на карачках. Лучше уж я буду смиренным конюхом, которого лошадь ведёт на верёвке, чем героем, чей труп подберут на обочине.

Заметив впереди просторную чайную, я раздумывал ровно три секунды. Решение было принято: бросить коня и спастись бегством! Прихрамывая и спотыкаясь, я рванул внутрь, не обращая внимания на возмущённое ржание за спиной. Не слышу, ничего не слышу! Моя твоя не понимать, лошадиным не владею, пардон!

— О... о-о, господин, пожалуйста внутрь! — застывший у дверей служка пришёл в себя лишь спустя минуту и, спохватившись, зычно выкрикнул приветствие, напустив на себя профессиональный вид.

Я прекрасно знал, что заставило его впасть в ступор. Моя внешность — это моё проклятие. Не желая слушать комментарии, я втянул голову в плечи и уселся за свободный стол.

— Любезный, чайничек горячего чая и пару свежих паровых булочек. Живо!

Небо начало затягивать тучами. Похоже, грядёт очередная метель. Холод собачий, а не погода! Неужели я зря надеюсь, что Люй Цэчжи бросится за мной в погоню? В такой жуткий буран ни искать кого-то, ни в путь пускаться — затея не из лучших.

Может, Хань И не ошибся в расчётах? Быть может, у нас с молодым главой Люй и впрямь судьбы несовместимы? Иначе почему эти два месяца пути дались нам с таким трудом?

Прихлёбывая обжигающий чай, я отрешённо грыз корочку булочки, погружённый в свои мысли. Вскоре на пороге появились новые гости. Служка вихрем метнулся к ним, но, едва разглядев вошедшего, замер соляным столбом. Бедняга просто остолбенел, не в силах отвести взгляд.

Гость, видимо, привык к такой реакции. Он невозмутимо прошёл вглубь заведения и выбрал стол прямо напротив моего. Мы оказались лицом к лицу, разделённые лишь парой шагов тишины.

Я замер. Кусок булочки застрял во рту, чашка замерла у губ. Я во все глаза уставился на незнакомца. Через тридцать секунд я медленно поставил чай и, уткнувшись лицом в скрещенные на столе руки, беззвучно рассмеялся.

Великолепно! Наконец-то я встретил «себе подобного»!

У этого человека было лицо неопишуемой красоты. Даже самые изысканные слова не смогли бы передать и десятой доли его очарования. На ум приходило лишь одно — «нисходящий небожитель». Идеальный, прекрасный... и смертельно холодный. В его облике, застывшем на грани божественного совершенства, не было ничего земного. Иссиня-чёрные волосы были небрежно заколоты простой шпилькой, и большая их часть рассыпалась по плечам густым, тёмным водопадом.

Холодный, высокомерный и невообразимо прекрасный — он крал дыхание одной своей аурой. Даже грубая домотканая одежда не могла скрыть его величия. И даже шрам, тянувшийся от угла левого глаза через скулу к самому подбородку, ничего не портил. Розовая полоска плоти не выглядела уродливо. Напротив, она не только не лишала его красоты, но и добавляла его облику какую-то порочную, колдовскую притягательность.

Этот тип по части «бедового очарования» явно меня обставил. Ну и славно! Наконец-то я смогу избавиться от сомнительного титула первой «красавицы-погибели» в округе. Есть чему порадоваться!

— Гос... господин, не желаете ли... ч-чаю? — служка, у которого из носа уже капала кровь, наконец обрёл дар речи.

Он заикался и едва не ронял чайник, совершенно не замечая своего нелепого вида. Неужели в этой чайной подают что-то, кроме чая? Или для таких писанных красавцев предусмотрено особое меню? Ох уж эти двойные стандарты! Почему ко мне никто с таким рвением не подлетал?

«Видно, до статуса "неземного" я всё-таки недотягиваю», — со вздохом констатировал я про себя.

Красавец даже не удостоил его ответом. Он лишь одарил одуревшего от вождления парня ледяным взглядом, в котором читалось неприкрытое отвращение. Было ясно как день: он не желает, чтобы его беспокоили. Но бестолковый служка, обычно такой прыткий и сообразительный, на сей раз не считал знаков. Он продолжал стоять и буквально пожирать гостя глазами. Руки распухнуть он не смел, но его сальный взгляд говорил сам за себя.

Незнакомец прикрыл глаза. Его тонкие, изящные пальцы едва заметно дрогнули. Он сдерживался, но вокруг него уже начала сгущаться тяжёлая, колючая аура. Осязаемая жажда крови заполнила помещение. Те немногие посетители, что сидели в зале, заерзали на местах, ища повод поскорее убраться восвояси. Наконец, почуввав неладное, к ним поспешил сухопарый лавочник. Он с извиняющейся миной оттащил непутевого мальчишку в сторону, возвращая гостю покой.

Я лишь покачал головой. Красота красотой, но гость этот был больно уж заносчив. Трудно, что ли, рот открыть? Сам виноват, что на тебя пялятся, как на заморское блюдо. Впрочем, я даже порадовался, что не столь ослепителен, иначе давно бы уже свихнулся от этих похотливых рож.

Незнакомец укротил свою ауру. Он отхлебнул чаю, поставил чашку и вперил в меня пристальный, загадочный взгляд. Слово изучал или прощупывал. Он молчал, но смотрел так, как зверь смотрит на добычу. Очень красивый, опасный, ледяной и завораживающий зверь!

«Что... что ему нужно?» — я кожей почувствовал, что он пришёл именно по мою душу. Волосы на загривке встали дыбом, включился режим боевой готовности. Интуиция подсказывала, что посягательство на мою честь в его планы не входит. В конце концов, если мериться красотой, моё лицо в очереди за его физиономией будет стоять вторым, не ближе.

Тогда что? Ограбление? Хм... а вот это уже похоже на правду! У меня при себе пачка ассигнаций на сотни тысяч лян — чем не жирный кус для разбойника? Эти «благородные мужи», обожающие грабить богатых и помогать бедным, таких, как я, за версту чуют.

Но не слишком ли быстро? Деньги я получил в полдень, сейчас едва смеркается — и за мной уже хвост? Я начал всерьёз подозревать, что Хань И выдал мне это «выходное пособие» не ради моей алчности, а чтобы убрать чужими руками. Пустил слух, и теперь толпа жадных до золота наёмников изрубит меня в капусту.

«Вот же старая лиса!» — я содрогнулся. Полдень... Кажется, это было как раз время «у Ши-сань-кэ», когда в старину казнили преступников. Неужели мне так не повезло?

Аппетит пропал окончательно. Я следил за каждым движением незнакомца, лихорадочно подсчитывая свои шансы на спасение. Они стремились к нулю. Но не успел я принять решение, как в чайную ввалилась новая компания — целая банда вооружённых до зубов бродяг. Сабли сверкают, рожи кирпичом!

Внутри у меня всё похолодело. Я вспомнил, что мой «Благородный муж Орхидея» красуется в первой десятке расстрельного списка Нового Альянса. С одной стороны — ледяной зверь, с другой — стая волков. Кажется, пришёл мой час. Всего полдня без защиты Люй Цэчжи, и я уже одной ногой в могиле. Зря я ушёл с постоянного двора «Управление ветром»... Лучше бы сидел там и строил из себя недотрогу, чем подыхать под градом клинков.

Головорезы с ходу отпихнули бедолагу-служку, который так и не успел прийти в себя. Парень впечатался в прилавок, превратившись в живой экспонат. Шестеро злодеев с дао — Люхэ-гуй — направились было ко мне, но на полпути замерли. Они переводили взгляды с меня на ледяного красавца и явно пребывали в замешательстве.

— Э-э... босс! — подал голос один из них, детище порочной связи гориллы и человека, поигрывая массивным кольчатый тесаком. — Как так-то? Тут две красотки... Которая из них наша?

— Мать твою! Откуда ж я знаю! — предводитель банды сплюнул на пол, продолжая озадаченно рассматривать нас обоих.

— Эй! Кто из вас Благородный муж Орхидея, Шэ Инь?! — злодей под литерой «В» оказался самым сообразительным в этой банде кретинов. Он встал между нашими столами и обратился к обоим сразу.

Я изо всех сил старался сохранять невозмутимость. Молчал — признаваться сейчас было бы верхом глупости. Но про себя негодовал: «Ах вы сволочи! Значит, всё-таки за мной пришли. Если этот красавчик сейчас пальцем в меня ткнёт, мне конец!»

Но, к моему величайшему облегчению, «небожитель» лишь одарил их презрительным взглядом и продолжил пить чай.

Не получив ответа, «благородные разбойники» засуетились и принялись совещаться прямо при нас:

— Босс, как думаете, который из них этот сукин сын Шэ Инь?

Сукин сын? Это они про меня? Я аж глаза выпучил. Мы что, знакомы?

— Мать твою! Да почём мне знать! Сказано было: Шэ Инь краше любой бабы. Твою ж... Они оба такие, что глаз не отвести! И как тут разберёшь?

Боги, они припёрлись ловить человека, даже не имея нормального описания! Типичные безмозглые наёмники.

— Босс, я слышал, этот Лань пахнет сладко, сильнее любой девки!

— Чёрт! Тут так воняет духами, что нос закладывает! Я почём знаю, от кого несёт! Иди и понюхай, если такой умный! — босс явно начинал выходить из себя.

Умник замялся. Он то и дело поглядывал на меня, но подойти не решался. Видимо, боялся ошибиться и получить на орехи от не того клиента.

— Твою мать! Одни пустые разговоры! Гляньте, это же очевидно: «краше женщины». Кто тут из них красивее? — босс уверенно указал жирным пальцем на ледяного незнакомца. Вожак вынес свой «мудрый» вердикт.

Его подручный тридцать секунд смотрел на меня, минуту — на красавца, после чего неуверенно пробормотал:

— Но босс... Говорили же, что у Благородного мужа Орхидеи на лице шрамов нет...

— Дурак! Это же маскировка! Шрам поддельный, за версту видно. Хреново он загримировался, раз думает, что одна царапина сделает его уродом. Сопляк, вздумал со старым волком тягаться!

Я едва не поперхнулся. Должен ли я благодарить его за столь высокую оценку моей красоты или презирать за непроходимую тупость? «Хреновая маскировка», надо же!

— Взять его! — босс взмахнул тесаком, указывая на незнакомца.

Орава подручных с воплями бросилась в атаку, надеясь задавить числом. Красавец даже не шелохнулся. Он лишь сделал пару неуловимых движений, и бандиты вылетели из чайной быстрее, чем в неё зашли. Массивные тела в лучах заката прочертили изящные дуги и рухнули в сугробы. Громилы пару раз дернулись и затихли, окрашивая девственно белый снег брызгами крови.

— Мать твою! Я тебя сам прирежу! — вожак вскинул саблю.

Его крик был грозен, но удара не последовало. Красавец просто шагнул в сторону, уходя с линии атаки, и коротким ударом отправил босса в полет — напрямик к его «сортникам»,

достраивать живую пирамиду в сугробе.

«О боги, красавчик, я твой навеки!»

Я смотрел на него с обожанием, уже прикидывая, как бы нанять его в телохранители. Но мой восторг быстро увял. Незнакомец подошёл к моему столу и, вперив в меня ледяной взгляд, впервые заговорил:

— Ты — благородный муж Орхидея, Шэ Инь?

Голос его напоминал звон разбивающегося льда — чистый, ясный и абсолютно бесстрастный. Холоднее, чем у Люй Цэчжи, в разы.

— Нет! — выпалил я. Шутки в сторону, я не собирался сам лезть в капкан. Было очевидно, что он затевает что-то недоброе. Признаться сейчас было бы верхом идиотизма.

— Ты красив... — этот ледяной комплимент прозвучал настолько не к месту, что стало почти смешно. Когда признанный эталон красоты хвалит твою внешность, это как-то не настраивает на мирный лад. Да и мужчине слышать такое в свой адрес сомнительное удовольствие.

— И ты пахнешь... орхидеей, — он снова указал на мою примету. Лицо его оставалось неподвижной маской.

Я не нашёлся, что ответить. После всех перевязок и мазей от меня и впрямь несло цветами за версту.

— И у тебя нет шрамов.

«И это, по-твоему, доказательство?» — возмутился я про себя. Неужели он не умнее тех громил?

— Будешь и дальше отпираться? — он оперся руками о край стола. Он смотрел на меня в упор своими сияющими, глубокими глазами, похожими на холодную озерную гладь. От этого взгляда внутри всё заледенело.

— А смысл? Ты ведь уже всё для себя решил... — я поник. Понял, что на сей раз мне не отвертеться. Едва вырвался из одной клетки, как угодил в другую. Какая же у меня паршивая карма!

— Вот и славно. Раз ты не отрицаешь, идём со мной. — Он бесцеремонно схватил меня за руку, намереваясь утащить.

— Идём? Куда?! Я никуда не пойду, хоть убей! — я вцепился в стол мёртвой хваткой.

— Тебя кто-то спрашивал? — он окинул меня коротким взглядом. Угрозы в нём не было, но давление ощущалось почти физически.

Я замолк. Эта сцена до боли напомнила мне тот день, когда Люй Цэчжи заставил меня спуститься с горы. Декорации сменились, похититель другой, а я всё тот же — бесправная жертва. Повезло мне или нет? Хоть плачь, хоть смейся.

— Ты меня заставляешь?! — воскликнул я с обидой. Ну почему мне вечно везёт на таких типов?

Он вдруг замер и посмотрел на меня каким-то странным, испепеляющим взглядом. Он изящно приподнял тонкие брови, словно он прикидывал, сожрать меня сразу или сначала освежевать.

— Я тебя заставляю? — ледяным тоном переспросил он.

— Э-э... — от этого голоса у меня душа в пятки ушла. — Хорошо, хорошо! Иду! Я иду с тобой! — Я сдался. Всё равно бежать некуда. Уж лучше пожить ещё немного под его конвоем, чем сдохнуть прямо здесь. Шансов на спасение будет хоть на сотую долю процента больше.

Он вскинул бровь, поджал губы и, не выпуская моей руки, потащил меня к выходу. Мы прошагали прямо по телам незадачливых Люхэ-гуй, которые в ответ на наши шаги лишь жалобно стонали.

— Отпусти моего господина! — внезапно раздался женский голос, и в спину похитителю ударила резкая волна ци.

Незнакомец, даже не оборачиваясь, лишь прибавил шагу. Мир вокруг смазался. Я отчаянно пытался оглянуться, надеясь на спасение, но увидел лишь расплывчатый белый силуэт. Ветер свистел в ушах, пейзаж стремительно уносился назад. Женщина в белом пыталась догнать нас, но расстояние между нами неумолимо росло. Вскоре она превратилась в крохотную точку и исчезла в сумерках.

Моя последняя надежда так и не смогла меня спасти.

<http://bllate.org/book/17512/1659726>